Александр БОЙНИКОВ «Я жизнь люблю неистово и страстно...»

О книге стихов Владимира Шемшученко «Мысль превращается в слова»

мне по воде!». И никто не вправе требовать от него незамедлительно определиться с политическими симпатиями и антипатиями; впрочем, поэт ясен и категоричен в изображении гримас постсоветской «геополитики».

Николай Рубцов в далёкие, подёрнутые теперь дымкой минувшего, 60-е предупреждал о грозящем Руси нашествии татар и монголов «иных времён»; пока только в «видениях», завершившихся пасторальной картинкой. Ныне его пророчество обернулось для России жестокой и реальной опасностью, захватившей собой все сферы – от быта до государственного устройства:

Южный ветер
хохочет в трубе водосточной,
По-разбойничьи свищет
и рёвёт провода…
Всё назойливей запахи
кухни восточной,
Но не многие знают –
так пахнет беда.

Немногие пишущие решатся сегодня пройтись по острию *этого* ножа… А коли рискнут и найдут смелость сказать о наболевшем и накипевшем без прикрас и экивоков, то сполна ощутят на себе пресловутое общественное мнение:

Помни, что твой кумир –
СЛОВО, но не словцо…
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

Как поступить в столь «пикантной» ситуации? Утереться, попытаться плюнуть в ответ или озлобиться и улиткой замкнуться в раковине вселенской обиды? Нет, писать стихи – на разрыв аорты, словно в последний раз.

Мысль превращается в слова,
Когда, безумием объятый,
Ты слышишь, как растёт трава
Из глаз единственного брата,
Когда ночей твоих кошмар
Впивается в неровность строчек,
Когда о край тюремных нар
Ты отобьёшь остатки почек,
Когда кружит водоворот,
Когда не объяснить событий,
Когда копаешь, словно крот,
Нору в осточертевшем быте.

* * *

Яркое своеобразие поэзии Владимира Шемшученко, поэзии «сострадающего сердца» (Николай Скатов), проступает ещё заметнее и привлекательнее в трудном, но мировоззренчески интересном диалоге с вершинными представителями русской классики. Оттачивая грани её идейного наследия на оселке актуальности, поэт добивается его обогащения живительными одухотворяющими смыслами:

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Помимо Некрасова и Пушкина, среди его конфидентов Ахматова, Блок, Тютчев, Мандельштам… Приятно услышать авторскую вариацию изысканной ахматовской мелодии:

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракит купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Дарованным призваньем в отличие от многих коллег по цеху Шемшученко не жертвует ради сиюминутных кормушечных выгод, прокламируя с пафосом раннего Маяковского: *«Не желаю стихи, как жаркое на блюде, / Господам подавать, демонстрируя прыть…»*. Грядущий Хам распахнул двери, тем более что и *«Европа стихи не читает!»*.

Между тем, всё упорнее простирает коварные щупальца над Россией другая напасть. Прежние базарные перепалки превратились в противоборство цивилизаций: земледельческой, основанной на созидательном труде на земле, и торгашеской – с деньгами (в конечном счёте с обманом) во главе угла, и довершает его противостояние вер. Православие – последний рубеж и оплот борьбы за бытие-в-мире самобытной России в её цветущей сложности. Проигрыш обернётся потерей духовной идентичности и гибелью в этническом растворении:

Разрастается зло,
выползает из тёмных щелей –
Погремушками слов
азиаты гремят на рассвете…
Встань за Родину, друг мой,
молись и себя не жалей –
От безбожных отцов
не рождаются русские дети!

В этих хлёстких и призывных строках заключена жёсткая национальная самокритика. Грядущий Хам сегодня вырядился в одежды нравственного релятивизма и психологии временщика, и наш народ – увы – в большинстве своём перестал вызывать умиление: *«Мы все вспоминаем о Боге, / Когда никому не нужны»*. Поэт, по сути, отвергает взлелеянную Достоевским «всемирную отзывчивость» русской души: *«Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня…»*.

И всё-таки он надеется на обратимость данного процесса. *«Империя не может умереть!»* – итог державного спора.

* * *

Стержневой образ книги – Россия, воспринимаемая как первородная духовная и нравственная ценность, а не только как географическое пространство с уходящими за горизонт далями. У поэта с ней особые отношения: он безмерно любит Родину (*«Как сладко сказать тебе: “Здравствуй!” – / На русском своём языке»*), принимая все её радости, печали, ошибки и прозрения, все извивы её исторического пути, находит у неё понимание, утешение, изливает ей свою тоску. И, конечно, ищет в споре с ней истину, которая *«в том, что не ты права, / А в том, что не прав я»*.

Конёк Владимира Шемшученко в поэтике – содержательно плотная деталь. Например, в две строки втиснута вся суровость Заполярья: *«Ненасытная печь за поленом глотает полено. / На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь»*. В крае вечной мерзлоты и холода выковывается особый тип человека закалённого, презирающего житейские условности:

Тишину потревожил
испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой –
рисковый бывалый мужик –
До того одурел
от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду
через реку махнул напрямик.

Скалькулировать, перекодировать и растлить русского человека, который *«всегда делал то, что хотел»*, выбирал из ста вариантов действий сто первый и шагал по жизни как по отвесной стене, – неудержимо параноидальное стремление и цель апологетов и практиков глобальной информационной войны против России. Результаты гибельных прививок к нашему национальному характеру космополитических псевдоценностей, извращённой этики, порочной морали, к глубокому сожалению, приносят ядовитые плоды:

Поспешаем за веком
и в души несём не своё,
На сегодняшний день
обменяв человечность.

За независимость духа на Руси приходится платить дорогую цену. Вероятно, поэтому в книге появляется мотив жертвенности, расплаты за беспощадную, высказанную публично ультрасовременную правду:

И кричу, что ещё остаётся,
В пику сверхтолерантной шпане.
Этот стон у нас песней зовётся…
Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Поэзия Шемшученко – сплав философского, исповедального и гражданского начал. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». В творчестве Владимира Шемшученко поэзия и гражданственность настолько органичны и неразделимы – и идейно, и эстетически, что одно будет ущербно без другого. Гражданско-публицистический вектор значительно усиливается к концу книги: «Счёт», «Крымский мост», «Донецк», «Письмо небратьям» – злободневные отклики-размышления на текущий политико-социальный беспредел, быстро переходящий в убивающий. В них немало пылких призывов, накалённых эллипсисных восклицаний и негодующих инвектив при удивительном сохранении лирического темперамента и внятности поэтики. Ярому участнику *«закопчённого майдана»* поэт выговаривает, словно неразумному шкодливому дитятке:

Не отмыться тебе от стыда
И не выхаркать привкус резины.
Ты учился сжигать города
У сжевавшего галстук грузина.

Всеотзывчивости на новейшем вираже истории он противопоставляет ненависть в самом священном и благородном смысле:

Не опущусь до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть – высшей пробы!
Сыну в сердце вложу.

И бросает в лицо европейским «апостолам толерантности» и их российским холуям-подголоскам:

Хватит болтать о правах человека
И тоску нагонять.
Иди и смотри на ребёнка-калеку
И убитую мать.

Фашизм образца 2014 года или один из многих результатов «боевых» действий украинской армии против мирных жителей Донецкой и Луганской областей. Далеко не все знают и помнят (и крайне жаль!) шокирующий натурализмом и глубочайшей правдой факта фильм Элема Климова «Иди и смотри» (1985) о зверствах гитлеровских захватчиков на оккупированной советской территории, параллель с которым провёл поэт. Даже в абсурдном сне было невозможно представить повторение такой патологической бесчеловечности. Поэт видит корень зла: *«Укров» не жаль мне ничуть бесноватых! / Мне Украину – жаль…»*. За все изуверства виновным придётся держать ответ: *«Отворяющий кровь не спасётся – / Кровь возврату не подлежит!»*. Справедливое возмездие неминуемо.

* * *

Наиболее ощутимо перепады лирического настроения, тонкие полутона чувств Владимир Шемшученко воссоздаёт средствами природной живописи, объединяя их мотивом прекрасного, поскольку *«никто на земле не дерзнёт прозываться поэтом, / Не постигнув величья дарованной нам красоты»*. Она для него во всём: в угасшем костре, в россыпях звёзд и свете луны, в лучах рассветного солнца, в ночном спокойствии реки, цветении лугов, в заснеженном кусте калины, подобранном на улице грязном котёнке и даже в хлёстком ветре и вьюге… *«Снега! Побольше снега! / Это зовётся – Русь!»*. Снег – пленительная черта русского пейзажа и один из культурных символов России – частенько гостит в его медитациях и зарисовках, наделяя их образный строй оригинальными ассоциациями:

…Соседи достали лопаты.
И выгнали снег со двора.
А мой – развесёленький, вкусный –
Лежит себе, радует глаз.
Хрустит на зубах, как капуста, –
Впервые, сегодня, сейчас!

И ещё снег – *«нетающий словесный русский…»*. В привычных пейзажных деталях всех времён года Шемшученко находит прелесть, изумительную красочность и выразительность: *«капельки васильков, искорки иван-чая», «это корова-луна / тучу поддела рогами», «и стоял безответным вопросом сурок у дороги», «подслеповатый дождь, шагающий по крыше», «как спящая женщина, дышит проталина / С лиловым цветком на высокой груди», «по улице ходит ноябрь с глазами бездомной собаки»*. Можно долго рассуждать о художественной стороне таланта поэта, приводя в качестве доказательств немало блестящих стилевых решений. Лучше оставим это занятие главным ценителям и судиям – читателям.

Цикл «Марине» создан в лучших канонах русской любовной лирики; каждое из его стихотворение (всего их 16) переливается искрящимся сплавом нежности, чистоты, самоотречения:

Ничего я тебе не скажу.
Я тобой безнадёжно болею.
Я желаю тебя и жалею
И дыханье твоё сторожу.

Бережно, с предельной откровенностью и без нарочитого эротизма поэт шаг за шагом раскрывает и живописует неповторимые нюансы всевластной и трепетной любви к жене – Женщине и Матери, обретая единение с ней навсегда, даже в грядущей скорби:

И когда в небеса позовёт нас дорога…
Не хотел говорить, но сегодня скажу:
Если первым уйду – проводи до порога.
Если первой уйдёшь – я тебя провожу.

От страницы к странице отчётливо выделяется петербургская тема, и с полным на то правом можно говорить о «Петербурге Шемшученко» (данный аспект его лирики достоин отдельного критического этюда). Для него он – «город Гамлет», в облике которого мелькают изюминки-«безуминки», подчёркивающие уникальность как самого Петербурга, так и образного воплощения его материальной и духовной сущности; вместе с поэтом мы учимся *«по слогам этот город читать»*:

Ветер пьяную девку целует взасос.
Утонула в заливе луна, как монета…
Город Гамлет!
Ты задал простейший вопрос,
На который никто
не придумал ответа.

Петербург многолик: то по-северному неподвижно-ледяной *(«Ноябрь совсем одекабрел / в Неву вморозил сухогрузы»)*, то резвится в метельном полёте *(«Машет крыльями вьюга, и перья ломая, кружится / И отчаянно бьётся в колодце двора, как в силках»)*; порой мрачно-непривлекательный *(«Рядом кашляет город – он пахнет тоской и тюрьмой / И ещё недержаньем горячей воды в теплотрассах»)* и вдобавок представляет собой *«месиво контркультур»*; и погода под стать – *«изморось, гиль и хмарь…»*. Поэт любит детище Петра, но странною любовью… Да, странною, но любовью… Вечной, высокой и понятной:

Охраняя огни берегов.
Зябнут вечные львы на канале.
Распахнулись балтийские дали,
И в снегах утонул Петергоф.
Мой нежданный единственный друг,
Я давненько по свету скитаюсь,
Но тебе я сегодня признаюсь:
Я тебя полюбил, Петербург!

Владимир Шемшученко размышляет о поэзии и поэтах – много, откровенно и часто нелицеприятно. В золотом веке и уж тем паче в веке Серебряном они слыли пророками, глашатаями истин вековых, демиургами. Нынешние поэты явно измельчали:

По привычке кусаем ближних –
Неуживчивый мы народ.
Ради мнимых успехов книжных
Затыкаем друг другу рот.

И потому *«на писательском фронте без перемен…»*, и приговор безжалостно однозначен: *«Пересуды, раздоры, суды и пирушки – / А в итоге, увы, – разложенье и тлен…»* и *«скрипят стихи – поэзия мертва…»*. Но какая поэзия? Владимир Шемшученко предлагает опять парадоксальное разграничение, с долей грубоватой иронии взывая к себе и ко всем:

Зачем тебе глупая драка
За место на полосе?!
Пиши, говорю, собака!
Печататься могут все.

Напутствуя: *«Не заглядывай в бездну, поэт…»*, сам поступает противоположным образом, ведь советовать и предупреждать не значит запрещать. И не боится задать себе сакраментальный вопрос:

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда…

Для преодоления экзистенциального страха поэту дан единственный способ – творить и *со*творять. Шемшученко называет себя *«смиреннейший подмастерье, данник русского языка»* (язык ему воистину исключительно дорог!) и тут же бравирует личной десакрализацией в космическом масштабе: *«Я плыву, как вселенский мусор…»*.

Завершает книгу почти карнавальная, бесшабашно раздольная «Революция», написанная по канве поэмы Александра Блока «Двенадцать». Но запечатлённое действо не фантасмагория и не прекращение течения истории, а грозное предостережение: ни понапрасну, ни умышленно не играйте с русским огнём, иначе перспектива лишь одна – сгореть в его пламени. Русский бунт не всегда бессмысленный, но всегда беспощадный.

Я жизнь люблю неистово и страстно,
Не ставя ни во что уменье жить…

На литературных просторах мало отыщется сегодня тех, кто, как Владимир Шемшученко, выходит к читателю с честным, животрепещущим, зрелым словом и готов дальше без остатка отдавать себя великому и многотрудному служению русской поэзии и России.

г. Тверь

Людмила БИРЮК Ты не одинок...

О повести Сергея Лёвина «На берегу безымянной реки»

Мой Бог! Помогут разве воды,
Когда встают из забытья
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея?..

Подчеркнем, что черты Родины представлены «золоченым сентябрьским лесом» или «утренней тихой рекой», которая катит волны в далекий океан. Он созвучен дали дальней и прогрессу, но значительно шире фальшивой вселенной современной цивилизации. Река заледенеет, изменит русло, однако глубинное течение ее останется прежним – станет другим только все внешнее: «Под громадой застывшего льда / Будет вечно струиться вода». Здесь – абрис смыслового портрета не только автора, но и русского человека как такового.

Поэт погружен в сумеречную жизнь бездушного города, предчувствия изнуряют сердце, но надежда на Промысел и на чудо не оставляют его. Во многом потому, что он затаенно верит: с Россией будет именно то, что мы о ней думаем.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звезд,
И нет ни друга, ни врага,
И город – как погост.
Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

Удрученный безрадостной действительностью поэт все-таки протирает замутненное окошко в золотой, осененный Именем Бога мир. В этом узнается большой душевный труд, позволяющий автору не соскользнуть в бездну, покорно обживая мрачное пространство «погасших звезд».

В стихах Дмитрия Мизгулина лирический герой постоянно теряет что-то очень важное, оглядываясь назад или прозревая – но в пустой след. Порой его интуиция, увы, просыпается слишком поздно – и вместо новой реальности он получает лишь горькое понимание того, что новая реальность *могла* быть. Тяжесть, продиктованная внешними обстоятельствами, ложится на его плечи, соединяясь с укором запоздало спохватившегося ума. Он исправляет вчерашние промахи, неверный выбор, потери, и в том – его жестокая планида и объяснение многих поступков. А еще – живая душа, не делимая до конца на правильное и ошибочное:

И чаще вспоминаешь невпопад
Тот день и час, на время позабытый,
Тот удивленный, тихий женский взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый…
<…>
И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни –
И встретишься с единственной судьбою.

Дмитрий Мизгулин – полная скрытого драматизма и внутренних противоречий фигура современного русского человека, живущего на «шатком стыке тьмы и света». Часть нового рационального века и, одновременно, наследник человеколюбивой традиции высокой русской литературы, он старается соединить разорванную в конце прошлого столетия нить времен. Его лирика, классическая по форме и художественным средствам, в своем сюжетном пространстве говорит о новой эпохе и прислушивается к сердцу простого человека. А сам он свидетельствует и горюет о нынешних смутных днях и годах, которым однажды, все-таки, придет конец.

Но пока «…небо и земля в морозной мгле слились…».

Детство часто называют «золотым»… Но из собственного опыта или на примере своих детей мы знаем, какая это сложная пора жизни! Даже сытое и материально благополучное детство не всегда бывает безоблачно безмятежным. А если вдруг в дом пришла беда?

Тринадцатилетний Костя Котов из повести Сергея Лёвина «На берегу безымянной реки» чувствует себя бесконечно одиноким. После смерти матери в один миг оборвались нити, скреплявшие маленькую дружную семью. Одно горе потянуло за собой другое: отец пристрастился к наркотикам, и Костя при живом родителе остался сиротой. Опасность подстерегает его всюду: то хулиган Пашка-Паровоз отнимает у него последние сто рублей, а то наносят зловещий визит «три похожие, словно сёстры, женщины из социальной службы», грозя забрать его в детский дом.

Для отца Кости, Володи Котова, болезненно-худого, застывшего в безжизненном равнодушии, писатель находит меткий эпитет: «человек-стекло». Особенно страшны его глаза. Они «уже полгода как превратились в мраморные шарики: блеклые, подёрнутые сетью микротрещин, ничего не выражающие».

Редко можно встретить в современной художественной литературе произведение, где так беспощадно-правдиво показана наркотическая зависимость, как это сделал Сергей Лёвин. Некоторые писатели изображают наркоманов сочувственно, даже романтизируют их пагубную страсть. Но в повести Лёвина наркотики – абсолютное зло, одно из самых отвратительных человеческих пристрастий: ведь наркоманы не только губят себя, но и обрекают на страдания своих близких.

Невольно возникает вопрос: а надо ли раскрывать подобные серьезные темы в повести, адресованной подросткам? Но особенность Сергея Лёвина в том, что он не признает «облегченной» детской литературы. Он разговаривает со своими юными читателями на равных, как со взрослыми. Для него детские переживания – не пустяк, не игрушка, не «маленькие радости и горести», как иногда любят говорить взрослые. В детской жизни бывает много серьезных переживаний и даже трагедий. Трудные вопросы и нравственные испытания сопровождают ребенка так же, как они сопровождают взрослого, только воспринимаются больнее и острее. И как важно, чтобы рядом были любящие родители и бескорыстные, преданные друзья, которые тебя не бросят в беде, у которых можно спросить совета и которые тебя всегда поймут и поддержат…

У Кости только одни друзья – книги. «Позади остались морские приключения и «Двадцать тысяч лье под водой», которые показались мальчику скучноватыми, а вот «Дети капитана Гранта» увлекли сразу и не отпускали». В повести нет случайных деталей. Для одинокого, обделенного вниманием Кости эгоцентрист капитан Немо не может стать любимым героем. Другое дело – Гленарван и его друзья! Это сплоченная команда, где каждый готов поддержать друг друга. Именно о таких друзьях он мечтает.

Внезапное появление в жизни Кости всемогущего дедушки Николая Павловича поначалу воспринимается им (и читателями!) как чудо. Но, поверьте, чудеса и вправду случаются, и не так уж редко, как мы думаем. В том, что порядочный человек смог ради внука переступить через свою гордыню и наладить отношения с нелюбимым зятем, нет ничего, что противоречит жизненной логике. Неправдой было бы мгновенное излечение безвольного, потерявшего себя наркомана Володи и превращение Кости, выросшего, по выражению писателя, «в типовых городских кварталах с понатыканными окна в окна многоэтажками и отчаянным дефицитом зелени» в счастливого пасторального пастушка. Но Лёвин слишком уважает своего юного читателя и нигде не опускается до вранья, «облегчая» чтение своей повести. Напротив! Мы видим, через какие адские испытания пришлось пройти Володе Котову, прежде чем снова стать человеком. И как медленно, день за днём оттаивает Костя, слабый затравленный мальчишка, еще недавно не нужный никому и никем не любимый.

Николай Павлович старается, чтобы внук не оставался один. Находит ему хороших друзей, да и сам постоянно беседует с ним «за жизнь». А ему есть, что порассказать:

«– Есть у меня к тебе непростой вопрос, Костя. Вот ты как войну себе представляешь?

– Не знаю, – растерялся мальчик. – Ну, бегают люди, стреляют, сражаются. Одни нападают, другие защищаются. И наоборот».

Ответ Кости полностью соответствует «стрелялкам» из компьютерных игр. Но дед не сердится, а терпеливо рассказывает внуку о настоящей, непридуманной жизни, о своей казачьей родословной и про то, как в советское время милиционером служил, и, конечно, про войну, которую от звонка до звонка прошел его отец… Постепенно Костя, который до этого полностью замыкался в себе и своих бедах, начинает понимать, что, оказывается, многим людям бывало еще трудней, чем ему. Но они справились, сумели преодолеть все испытания.

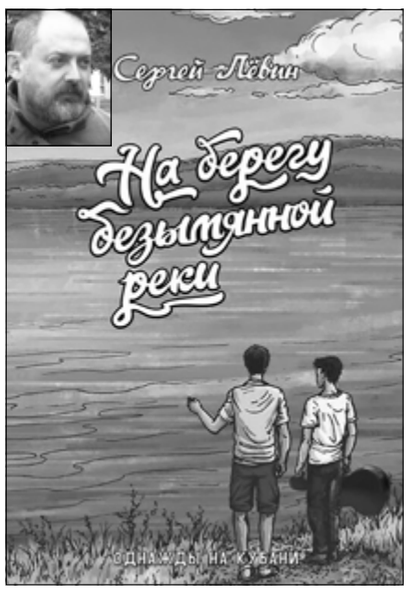
Иногда кажется, что истории, которые рассказывает дед, к основному сюжету не имеют отношения. Но на самом деле они раскрывают характер рассказчика: его отношение к героям войны, к казакам, к своей милицейской работе. Читая занятную байку о том, как у незадачливого мужичка Семенова два раза машину угнали, мы не только поражаемся, что «в одну воронку два снаряда попало», но искренне симпатизируем Николаю Павловичу. Ведь он пожалел совершившего правонарушение мальчишку, не стал ему портить жизнь.

Кто знает, что бы стало с непутевым Володей Котовым и его сыном, если бы рядом не оказалось таких благородных, сильных духом людей, как потомственный казак Николай Павлович, «человек из стали» Саша-Терминатор, Ромка, Николай… весь их проверенный временем «мужской клуб». Именно они, да еще молодая гвардия – благородный рыцарь Тёмка и его друзья, буквально вытаскивают со дна Костю и его отца, наполняют силой их тело и душу, пробуждают желание жить счастливой и полноценной жизнью.

Кроме перечисленных персонажей, есть еще одна героиня, о которой нельзя умолчать и без которой повесть потеряла бы половину своего лиризма и доверительного очарования.

Таинственная безымянная река… Она является полноправной, а порой главной участницей того, что происходит на страницах произведения Сергея Лёвина. С описания безымянной реки начинается повесть, и далее образ ее постоянно появляется в самые ответственные моменты повествования. Ей писатель посвятил проникновенные, из сердца взятые строки…

Вот Костя видит ее впервые: «Живая, игривая, рассекающая поле серебристым полумесяцем вода – одновременно тяжёлая, весомая и воздушная, подмигивающая солнечными бликами. Она мгновенно переполнила мальчика, поглотила, загипнотизировала и взяла в плен».



Река, неудержимая в своем стремлении вперед, «неспокойная, мудрая», словно одухотворенный организм, живет своей жизнью. Однако, как и у людей, у нее есть свои проблемы и обиды:

«Ночью прошёл дождь, и река заметно сердилась из-за мусора, который принесли в неё ручьи: полиэтиленовых пакетов, пластиковых бутылок, упаковок из-под чипсов – инородных тел в её организме.

– Нет, ну не сволочи же! – не сдержался Костя».

Река – душа рассказа. Река-лекарь, река-друг, река-учитель… Она всегда приходит на помощь, наполняет Костю духовной и физической силой, помогать вылечить его отца… Её голос слышит он в звездные часы своей жизни, пытается разгадать её бесконечный монолог:

«Но голос реки остался в Костином сердце, спрятавшись в его самых потаённых уголках. Там, где за накипью технологического варева, за заученными цифрами и схемами, таблицами и алгоритмами, за шлаком из навязанных предрассудков и бессмысленных обязательств таилась самая обычная – живая душа».

Именно на берегу реки происходит кульминация повести: неравный бой отважного романтика Тёмки против блатных великовозрастных сынков краевых чиновников.

Бьюсь об заклад, что, дочитав до этого эпизода, любой прозорливый читатель предскажет, что Костя сейчас кинется в драку, чтобы поддержать друга. Казалось, к этой мысли подводит основная идея повести: превращение затравленного дохляка-мальчишки в мужественного героя. Ведь должен он наконец показать силу мускулов, накачанных, благодаря воспитанию деда и здоровому образу жизни! Но писатель снова не идет по легкому пути.

Поддержать друга – дело святое… Формально Костя струсил, сбежал с поля боя, оставив Тёмку одного с врагами. Но реально он его спас, так как, если бы избили двоих, то шансов выжить не было бы ни у кого. Конечно, выбирать, взвешивать «за и против», у Кости не было времени – он действовал инстинктивно. И не ошибся! Но правильность поступка все-таки не избавила его от мучительных сомнений и раздумий, ведь, как ни крути, он нарушил кодекс мужской чести. К тревоге за жизнь товарища прибавляется не меньшая тревога быть отвергнутым друзьями, снова стать изгоем. А Костя хорошо знает, что это такое… Слава богу, друзья, и в первую очередь Тёмка, оказались правильными ребятами: великодушными и мудрыми.

Не меньше забот оказалось и у взрослых. Не надеясь на продажных полицейских, дед Палыч и его славная команда сами находят преступников и разбираются с ними по своим понятиям. Никакого насилия! «Вежливые люди» держат себя в рамках приличия. Но «раз правосудие буксует, надо ему помогать».

Создавая литературное произведение, писатель всегда вкладывает в героев частицу себя. И если ему кажется, что он своих героев выдумал, все равно в них обязательно проявятся черты автора, даже против его воли. Не испытав хотя бы частично того, о чем он пишет, писатель не сумеет достоверно передать ни чувств, ни мыслей, ни поступков своих героев.

«Дед вздрогнул, встал, подошёл к Косте и крепко обнял его. И тогда мальчик всё же заплакал. Не от горя, а от безразмерного, огромного, как разноцветный воздушный шар, чувства, переполнившего его и вместившего всё сразу: печаль и тёплое счастье, разочарование и надежду. И полузабытую уверенность, что ты кому-то нужен и важен».

Хрупким, беззащитным и ранимым предстает Костя в первые дни своего пребывания у дедушки. А в конце повести он, не торопясь, идет вдоль берега реки, уверенный в себе, сильный, счастливый… Несколько минут назад Варя, самая красивая девочка на свете, незаметно подмигнула ему, прощаясь. Рядом – лучший в мире друг Тёмка. А впереди – бесконечно прекрасная жизнь!

«Друзья свернули по тропинке в сторону станицы, а река – большая, безразмерная, мудрая – проводила их и продолжила своё вечное движение. Неугомонная, напористая, своенравная, непредсказуемая – как вся наша жизнь, она уносила с собой боль утрат, болезни и потрясения и медленно, но неотвратимо растворяла в своих волнах – так, как умела только она».

Повесть «На берегу безымянной реки» написана таким удивительно естественным и в то же время утонченно образным языком, что невольно приходит мысль: всё происшедшее в ней – правда, всё так и было на самом деле, как рассказал писатель. Ему можно верить. Каждому слову.